

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ИНТЕРЕС LEGAL HERMENEUTICS TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF INTEREST

РЫЖИК Андрей Владимирович,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, Беларусь, г. Витебск, Московский проспект, 33.

E-mail: aspirant8381@mail.ru;

RYZHIK Andrey Vladimirovich,

Candidate of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Educational Institution «Vitebsk State University named after P.M. Masherov».

33 Moskovsky Prospekt, Vitebsk, Belarus, 210038.

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: методологические ресурсы герменевтики незаменимы в научном анализе текстов нормативно-правовых документов, в которых сформулированы нормы права собственности, в выявлении в их содержании тех или иных интересов субъектов частной, государственной, иных форм собственности.

Ключевые слова: интерес, собственник, право собственности, закон, государство, интересы собственников, юридическая методология, герменевтика, частная собственность, гражданское законодательство.

Abstract: Methodological resources of hermeneutics are irreplaceable in the scientific analysis of texts of normative legal documents. The norms of property rights are formulated, certain interests of subjects of private, state, and other forms of property in the content of such norms are identified.

Keywords: interest, owner, property right, law, state, interests of owners, legal methodology, hermeneutics, private property, civil legislation.

Дата направления статьи в редакцию: 20.08.2021

Дата публикации: 30.09.2021

Как отмечает Л.И. Честнов, «нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л.И. Петражицкий), экономическими, политическими и т.д. — в широком смысле социокультурными феноменами» [1, с.71].

Соглашаясь с этим актуальным методологическим тезисом, стоит заметить, что применительно к проблематике интересов субъектов собственности в нормы права, в сферу правового бытия исходные психические, экономические, политические и иные спецификации интересов не просто дополняются юридическими признаками, но и подвергаются определенной юридизации, приобретая правовые свойства.

Известно, что на волне критики классической рациональности некоторые представители социально-гуманитарных наук обосновывают положения о том, что жизненный мир, его те или иные сегменты, развиваются хаотично, в этом развитии нет ничего детерминированного и закономерного, и исследователь способен лишь описывать теми или иными способами хаотичные состояния в предметном поле своего исследования.

«...Наука, — писал Людвиг Мизес, — по крайней мере на данном этапе, должна принять на вооружение дуалистический подход не столько в качестве философского объяснения, а скорее, как методологический прием.

Методологический дуализм воздерживается от любых утверждений по поводу сущностей и метафизических концепций. Он просто учитывает тот факт, что мы не знаем, каким образом внешние события — физические, химические и физиологические — влияют на человеческие мысли, идеи и ценностные суждения. Все это расщепляет царство знания на две отдельные области: царство внешних событий, обычно называемое природой, и царство человеческого мышления и деятельности» [2, с.1].

Нам близка идея о методологическом дуализме, в том числе применительно к исследованию объективных и субъективных начал и отношений собственности и права собственности, и интересов собственников. Но лишь идея, ибо некоторые более частные выводы Мизеса, претендующие на методологический статус вряд ли приемлемы для настоящего исследования.

Развивая идею познавательного дуализма, Мизес писал: «Эпистемологически отличительным признаком того, что называется природой, следует считать устанавливаемую и необходимую регулярность взаимосвязи и последовательности явлений. С другой стороны, отличительным свойством того, что мы называем областью человеческого, или историей, или лучше — сферой человеческой деятельности, является отсутствие такой универсально господствующей регулярности» [2, с.4].

Но полное отсутствие такой регулярности есть феномен случайности. Очевидно, что данный тезис весьма дискуссионен.

Понимая это, Мизес пишет далее: «Это не значит, что будущие человеческие действия абсолютно не предсказуемы. В определенной степени их можно предвосхитить. Но методы, применяемые в подобных прогнозах, и рамки их применимости логически и эпистемологически совершенно отличны от методов, которые применяются в прогнозировании природных событий» [2, с.4].

И в этих суждениях автор, как нам представляется, демонстрирует излишнюю категоричность.

С нашей точки зрения, в отношениях собственности, в праве собственности, в сфере правовой институционализации интересов собственников, безусловно, не проявляются абсолютные, универсальные регулярности-закономерности, но эти процессы, в том числе и происходящие в правовом поле, далеко не случайны, точнее, в них проявляются феномены и случайного, и закономерного. Повторяемость характерна не только для природных процессов, но и для процессов, происходящих в мире человеческой жизнедеятельности. Они отличаются степенью веро-

ятности, а значит, и предсказуемости.

Мизес отмечал, что методы, применяемые в прогнозах природных и социальных процессов, совершенно различны.

И этот тезис, как нам представляется, требует определенной корректировки.

С нашей точки зрения, подобная методологическая установка контрпродуктивна и не соответствует реалиям жизненного мира людей, их тех или иных сообществ.

Догмы классического рационализма о тотальном детерминизме и всеобщей упорядоченности, перенесенные в социально-гуманитарные науки из области естественных наук, не выдержали проверки практикой. Но к разряду новых догм можно отнести суждения тех исследователей, которые видят в жизненном мире людей, в том числе и в сфере взаимообусловленного бытия отношений собственности, их правовых регуляторов, обусловленных интересами собственников, лишь хаотичные явления, сосредоточивают свои познавательные ресурсы на описании тех или иных случаев. В динамике жизненного мира диалектично представлены обусловленные и случайные, хаотичные и закономерные процессы.

Основной целевой ориентир научного исследования – выявление данных процессов и прежде всего выявление достаточно устойчивых закономерностей, или, говоря другими словами, выявление тенденций.

«Ориентация науки на изучение объектов, которые могут быть включены в деятельность (либо актуально, либо потенциально как возможные объекты ее будущего преобразования), и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития – пишет В. С. Степин, – составляет первую главную особенность научного познания.

Эта особенность отличает его от других форм познавательной деятельности человека» [3, с.40].

Данное положение известного отечественного ученого, академика РАН, является ключевым методологическим ориентиром в исследовании моделей, механизмов, процедур интересов субъектов частной, государственной, иных форм собственности, в выявлении в этих процессах определенных устойчивых тенденций.

Вероятно, речь должна идти о выявлении, об исследовании двух групп тенденций: 1) тенденций, характерных для процессов правовой институционализации интересов субъектов частной, государственной, иных форм собственности; 2) тенденций, характерных для бытия институционализированных интересов собственников в структуре права, в процессе реализации права, в правоприменительной практике.

Методологический постклассицизм предполагает необходимость иного понимания принципа системности познания, которое развивается ныне многими представителями отечественного правоведения.

«Крупным прорывом в понимании природы права, – писал Г. В. Мальцев, – явилось применение в юридических исследованиях системного подхода и системного анализа и, прежде всего, вытекающий из общей теории систем вывод, согласно которому право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной. В сознании юристов механические закономерности, заметно проявлявшие себя в рамках юрико-догматической методологии, были потеснены общими законами организации открытых систем, постоянно обменивающихся информацией со средой» [4, с.44].

По мнению И.Л. Честнова, «системный подход, связанный с формированием общей теории систем, становится господствующей парадигмой эпистемологии второй половины XX в. Основные идеи системной методологии, правда, преимущественно в статической, структуралистской версии, активно проникают в общественные науки...» [5, с.7].

Системный подход становится в 70-е гг. XX в методологическим основанием юриспруденции. Начиная с этого времени, практически любые юридические институты рассматриваются как системные феномены... При этом уже в 80-е гг. XX в. при формировании постклассической эпистемологии на смену классической теории систем постепенно приходит постклассическая [5, с.7].

Конечно же, разрабатывая методологию конкретных исследований в теоретико-правовой и прикладных науках, необходимо учитывать эти изменения.

Все многообразие инноваций в сфере методологии, которые предполагают постклассическое понимание принципа системности, содержит, на наш взгляд, всего несколько аспектов, которые действительно актуальны и значимы для нашего исследования механизмов и моделей реализации институциональных интересов собственника в современном российском праве.

Речь идет о деуниверсализации понятий системности объектов и предметов теоретико-правовых исследований. Применительно к наукам социально-гуманитарной, человековедческой сферы данная деуниверсализация во многом предопределена отсутствием универсальности личности человека, выступающего главным субъектом права, субъектом собственности, субъектом интересов, институционализированных в праве.

Постклассическая социально-гуманитарная методология уделяет особое внимание различиям суммативных и целостных системных образований. Такая классификация имеет актуальность для исследований отечественного права, включая права собственности и интересы собственников.

Существует множество фактических оснований выдвижения и обоснования тезиса об отнесении современного отечественного права, включая право собственности, не к классу целостных, а к классу суммативных правовых систем.

В качестве предмета исследования суммативная система российского права собственности обладает такими характеристиками, как

незавершенность, дисбаланс центробежных и центростремительных юридических отношений, повышенная мера бифуркационности, неустойчивость к воздействиям внешних факторов. В структуре данной системы чрезмерно отражены феномены иных правовых систем, которые не адаптированы к национально-правовому системному образованию.

Постклассическая социально-гуманитарная методология способствует формированию инновационных представлений о структуре системы.

Происходит существенное смещение акцента от статической структуры и компонентно-четкого механического понимания в сторону структурной динамики.

Мы полагаем, что нормативная структура права собственности должна быть дополнена анализом других структурных феноменов права собственности, например, поведения, деятельности субъектов права, их менталитета, мотивационных ресурсов, включая потребности и интересы.

То есть, мы должны вести речь о структуре очеловеченного, живого, динамично изменяемого права.

Применительно к проблемам теоретического осмысления институционально-правовых интересов субъектов собственности весьма актуальным теоретико-методологическим приемом является категоризация в правовых понятиях сложных феноменов реальности, в структуре которых, в той или иной мере, представлены как собственно юридические, так и социальные, экономические, властно-политические и иные свойства, явления уходящего прошлого и актуального настоящего.

Все это характерно и для сферы интересов собственников и их институционализации в нормы противоречиво развивающейся отечественной правовой системы.

«Процесс познания конкретных правовых объектов, – писал Д.А. Керимов, – ...движется от ощущения, восприятия и представления об этих объектах к образованию сложных понятий, в которых высшее возникает из низшего, низшее переходит в высшее, высшее мысленно преобразует низшее, вскрывая его внутреннее содержание. Тем самым правовые понятия обладают такими качествами, которые позволяют их использовать не только как средство познания прошлого и настоящего применительно к соответствующим правовым объектам, но как способ постижения, предвидения тенденции их развития в будущем» [6, с.131].

К числу таких сложных юридических понятий относятся и понятия «право собственности», «право собственника», «правовой интерес субъекта собственности».

Сложность данных понятий предопределяется реальной сложностью тех феноменов, которые они призваны отражать, причем речь идет о сложности и генезиса данных правовых феноменов, и их структуры, и их функций.

Они сложны и с точки зрения присутствия в этих реальных феноменах правового бытия собственников элементов прошлого, настоящего и часто малозаметных проявлений тенденций их будущего развития, о чем писал Д.А. Керимов [6, с.131].

Постклассическая социально-гуманитарная методология предполагает необходимость рассмотрения различных феноменов реальности, в том числе и правовых феноменов в широком социоисторическом, социокультурном, ментальном контексте, а не только в экономическом или идеолого-политическом.

Методологический принцип контекстности предмета исследования методов и механизмов реализации интересов собственника в современном российском праве позволяет более адекватно понимать логику, содержание, особенности генезиса, бытия данных процедур. Эти исследовательские процедуры своим детерминационным основанием уходят не только в советско-социалистическое бытие, в том числе и бытие правовое, но и в досоветскую социальную практику, в досоветскую ментальную культуру, включая культуру правового нигилизма как широких масс населения, так и правящих элит.

Без этого анализа невозможно понять феномены современного права собственности, поведение собственников и не собственников, их интересы и ценностные ориентиры по поводу владения собственностью или отчуждения от собственности.

Современное понимание методологического принципа адекватной контекстности исследования институциональных интересов субъектов различных форм собственности в различных типах отечественных правовых систем предполагает необходимость иного понимания теории базиса и надстройки, соотношения экономических и иных объективных условий, субъективных факторов, воздействующих как на право собственности, так и на интересы их субъектов.

Факты отечественной экономической, политической истории XX века, истории отечественного права и государства свидетельствуют о весьма вариативном взаимодействии права и экономики, права и идеологии, права и политики.

В одном законе непропорционально широко могут быть представлены интересы субъектов крупной собственности, в другом – интересы субъектов мелкой земельной собственности, в третьем – интересы государства и как собственника, и как властно-политического института и т.д.

В исследовании вариативных процессов правовой институционализации интересов различных собственников могут быть весьма полезны инновационные теоретико-методологические положения синергетики.

«Сегодня синергетика, – отмечают В.И. Аршинов и В.Г. Буданов, – быстро интегрируется в область не только естественных, но и гуманитарных наук, возникли направления социосинергетики и эволюционной экономики, применяют ее психологи и педагоги, развиваются приложения в лингвистике, истории и даже в искусстве, на очереди создание синергетической антропологии» [7, с.85].

В отечественном правоведении анализу теоретико-познавательных ресурсов синергетики уделял особое внимание Г.В. Мальцев. Этот системный анализ позволил автору сделать немало выводов, имеющих безусловно весьма актуальное методологическое значение.

Размышляя о степени полезности синергетики для юриспруденции, для юристов, Г.В. Мальцев писал: «Если обратиться... к вопросу о

том, что дает синергетика юристам, то, прежде всего, надо указать на определенное методологическое раскрепощение юриспруденции, возможность обновления и обогащения фондов юридических знаний за счет как рационального познания, авторитет которого остается все еще прочным, так и форм дорационального и внерационального сознания» [8, с.106].

С нашей точки зрения, в познании диалектического синтеза права собственности и интересов собственников возрастает роль инновационных подходов представителей современной синергетики к пониманию содержания, особенностей нелинейного сосуществования систем, их энергетического взаимодействия с внешней средой, с контекстом функционирования.

Таким познавательным ресурсом в теоретическом правоведении является герменевтика как теория и практика понимания и интерпретации реальности, в том числе и письменных источников.

Как отмечает Л.А. Микешина, «опыт герменевтики может быть полезен для преодоления ограниченности традиционной теории познания, где представлен предельно абстрактный субъект, а проблемы языка и познания вынесены за ее пределы» [9, с.145]. В другой своей публикации Л.А. Микешина пишет, что в герменевтике «познающий человек предстает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующийся субъект» [10, с.57].

Безусловно, в сфере теоретического правоведения применение методов философской или общенаучной герменевтики имеет немало особенностей, и главная из них, с нашей точки зрения, связана с достаточно высокой степенью нормативности права как объекта познания, его достаточно жесткой структурированностью, упорядоченностью, универсальностью, что, безусловно, следует учитывать и субъекту познания.

Библиография:

1. Честнов, Л.И. Постклассическая теория права: монография / Л.И. Честнов. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – С.71.
2. Мизес, Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Людвиг фон Мизес; [пер. с англ.: А.В. Куряев]. – Москва; Челябинск: Социум, 2013. – С.1-4.
3. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.40.
4. Мальцев, Г.В. Право и «смена веков» в научной методологии / Г.В. Мальцев // История государства и права. – 2009. – № 22. – С.44.
5. Честнов И.Л. Теоретико-методологические основания системы права // Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография / А. А. Дорская, И.Л. Честнов. – СПб.: Астерион, 2010. – С.7.
6. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – 4-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – С.131.
7. Аршинов, В.И., Буданов, В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология: Тексты: Выпуск 3: Когнитивные процессы / Под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. – М.: Когито-Центр, 2004. – С.85.
8. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2007. – С.106.
9. Микешина, Л.А. Герменевтика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Канон+, 2009. – С.145.
10. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С.57.

References (transliterated):

1. Chestnov, L.I. Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya / L.I. Chestnov. – SPb.: ID «Alef-Press», 2012. – S.71.
2. Mises, L. fon. Teoriya i istoriya: Interpretaciya social'no-ekonomicheskoy evolyucii / Lyudvig fon Mizes; [per. s angl.: A.V. Kuryaev]. – Moskva; Chelyabinsk: Socium, 2013. – S.1-4.
3. Stepin, V.S. Teoreticheskoe znanie / V.S. Stepin. – M.: Progress-Tradiiciya, 2003. – S.40.
4. Mal'cev, G.V. Pravo i «smena vekh» v nauchnoj metodologii / G.V. Mal'cev // Istoriya gosudarstva i prava. – 2009. – № 22. – S.44.
5. Chestnov I.L. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sistema prava // Evolyuciya sistema prava Rossii: teoreticheskij i istoriko-pravovoj podhody: monografiya / A. A. Dorskaya, I.L. Chestnov. – SPb.: Asterion, 2010. – S.7.
6. Kerimov, D.A. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava / D.A. Kerimov. – 4-e izd. – M.: Izd-vo SGU, 2008. – S.131.
7. Arshinov, V.I., Budanov, V.G. Sinergitika postizheniya slozhnogo // Sinergitika i psihologiya: Teksty: Vypusk 3: Kognitivnye processy / Pod red. V.I. Arshinova, I.N. Trofimovoj, V.M. Shendyapina. – M.: Kogito-Centr, 2004. – S.85.
8. Mal'cev, G.V. Social'nye osnovaniya prava / G.V. Mal'cev. – M.: Norma, 2007. – S.106.
9. Mikeskina, L.A. Germenevtika // Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki / L.A. Mikeskina. – M.: Kanon+, 2009. – S.145.
10. Mikeskina, L.A. Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy / L.A. Mikeskina. – M.: Progress-Tradiiciya, 2002. – S.57.